

A young boy in a white t-shirt and dark shorts stands in a grassy field, looking towards a large, dark propeller airplane. The scene is set at sunset, with a pink and orange sky. The airplane's wing and propeller are prominent in the upper half of the frame.

Юрий Окунев

Детство,
которого
не было...

Юрий Окунев

**Детство,
которого
не было...**

БОСТОН • 2010 • BOSTON

Юрий Окунев

Детство, которого не было...

Missing Childhood

by Yuri Okunev

Печатается по оригинальному авторскому тексту

Copyright © 2010 by Yuri Okunev

All rights reserved. No part of this book may be reproduced or utilized in any form or by any means, electronic or mechanical, including photocopying, recording, or by any information storage and retrieval system, without the written permission of the copyright holder.

ISBN 978-1-934881-28-6

Library of Congress Control Number: 2009943028

M·GRAPHICS PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com

info@mgraphics-publishing.com

Дизайн обложки: П. Крайтман © 2009

Фотографии в тексте: из архивов автора

За задней обложке помещена историческая фотография «Сталинград после налета фашистских бомбардировщиков 23 августа 1942 года».

Printed in the USA

**МОИМ СВЕТЛОЙ ПАМЯТИ РОДИТЕЛЯМ
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

*Я понял, что самое дорогое,
самое важное для человека —
время, когда рождается родина,
пока семья и любовь еще не родились.
Это время детства и ранней юности.
И сердце мое сжалось.*

Варлам Шаламов,
из рассказа «Поезд»

Мне очень дороги и близки слова Варлама Тихоновича Шаламова о времени детства, «когда рождается родина» — сердце сжимается при воспоминании о том трогательном ребенке, которым ты был когда-то.

Однако суровая правда состоит в том, что уродившихся в Советском Союзе в 1937 году настоящего детства не могло быть по определению, ибо годы их детства пришлись на большой террор, опустошительную четырехлетнюю войну, вражескую оккупацию, хаос эвакуации и послевоенную разруху с потерями близких, лишениями, скитаниями, голодом, нищенским бытом и полным отсутствием тех элементарных детских радостей, которые сопровождают начало жизни человека во всех цивилизованных странах.

Автор

Содержание

Предисловие	11
Глава 1	
<i>Ленинград, Тверская улица: 31 декабря 1937 года</i>	21
Глава 2	
<i>Оренбургская губерния, поселок Сорочинск: 1941–1944</i>	59
Глава 3	
<i>Ленинград, улица Марата, дом 16: 1944–1946</i>	123
Глава 4	
<i>Ленинград, улица Марата, дом 84, квартира 9: 1946 –1951</i>	155
Послесловие	212
Список имен	221
Публикации	234
Об авторе и его книгах	239

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я написал очерки моего детства сравнительно быстро, чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, неожиданно появилась избыточность свободного времени, вызванная досадным разрывом непрерывности в моей профессиональной научной работе из-за экономического кризиса 2009 года. Во-вторых, оказалось возможным использовать некоторые старые заготовки из книги «Письма близким из XX века». И, наконец, в-третьих, мой двоюродный брат Леонид прислал несколько почти готовых отрывков воспоминаний о нашей жизни в эвакуации — спасибо ему за это огромное.

Очерки писались легко, но трудность заключалась в постоянной и назойливой тревоге — не скучно ли все это? Одна моя добрая знакомая из Германии — поэтесса, женщина с тонким литературным вкусом, прочитав набросок первой главы, была откровенно разочарована. Она деликатно упрекнула меня в том, что, взявшись за рассказ о своем детстве, я вместо этого описываю «общеизвестные», по ее выражению, исторические факты, не имеющие ко мне и моему детству никакого отношения. Я вяло оправдывался тем, что, мол, история, творившаяся на улице моего раннего детства за 20 и более лет до моего рождения, напротив, имеет самое непосредственное отношение ко мне, что я не могу рассказать о своем раннем детстве на Тверской улице в Санкт-Петербурге, не упомянув, что наш дом располагался напротив Башни Вячеслава Иванова, равно как и того, почему я в зрелые годы блуждал, как фанатик, вокруг этой Башни. Не мыслю — утверждал я в свое оправдание — описания своей и своих близких жизни без самостоятельного, подчас отличного от общепринятого, осмысления тех исторических

событий, на фоне или в гуще которых эта жизнь протекала. Кроме того — писал я моему доброжелательному критику — по моим наблюдениям, «общеизвестные» факты, на самом деле, отнюдь не являются такими уж общеизвестными, и не грех напомнить о них тем, для кого до этих фактов такая же дистанция, как до Куликовской битвы.

Понимаю, что все эти оправдания выеденного яйца не стоят, если читатель сам, без моей натужной подсказки, не увидит и не почувствует естественной связи между историческими событиями и моей жизнью, если все это покажется ему неинтересным и скучным...

Я, вместе с тем, ясно осознаю, что детство любого человека есть не более, чем детство — из него самого по себе многого не выжмешь. Детство человека становится интересным через описание окружающих его взрослых, через их характеры и отношения... Меня в детстве окружали близкие мне, красивые, умные, талантливые люди, но среди них не было знаменитостей, чья биография была бы интересной для всех...

Впрочем, разделение людей на знаменитых и незнаменитых всегда условно и ненадежно. Мои старшие двоюродные братья, жившие со мной рядом во времена моего раннего детства, стали выдающимися учеными в медицине и математике — считать ли, что я пишу о знаменитостях, когда вспоминаю их отроческие проделки? Другой пример еще более выразителен. В годы войны я жил с мамой в эвакуации в поселке Сорочинск Бузулукского района Чкаловской области (ныне Оренбургская губерния). В том же Бузулукском районе, в деревне Воронцовка, в те же военные годы и тоже с мамой жил мальчик моего возраста — Володя Высоцкий. Я мог бы играть в детские игры с будущим великим поэтом и актером, если бы легкомысленная Фортуна из-за повязки на глазах не совершила промашку всего в несколько десятков километров. Тем не менее, вопрос остается открытым — следует ли мое описание нашего унылого быта в эвакуации считать воспоминаниями о безусловно сходных условиях раннего детства Владимира Высоцкого?

Оставляя за скобками подобную казуистику, неоднократно задавал я самому себе вопрос — можно ли в рам-

ках публицистики, в рамках очерка заинтересовать читателей несенсационными биографическими фактами и коллизиями из жизни незначительных людей? Вообще — имеют ли право на существование мемуары незначительностей? В «Письмах близким из XX века» и в данных очерках содержится попытка ответить на эти вопросы положительно. Получилось ли — не знаю, ибо, перефразируя слова поэта, поражение от победы я сам не вправе отличать.

Тем не менее некоторые существенные обстоятельства влекли меня написать о своих детских годах несмотря на все сомнения и тревоги, и главное из них — это бесспорная уникальность времени моего детства. Вправе ли я предать такое забвению — судите сами...

Первое десятилетие моей жизни, с 1937 по 1947 год, совпало с тяжелейшим — подчеркиваю, тяжелейшим и страшнейшим десятилетием в писаной истории человеческого рода. Любое другое десятилетие было лучше — проверьте и убедитесь в этом. Еще раз говорю со всей ответственностью — худшего десятилетия в истории не было и, надеюсь, не будет...

То, что вытворяли сталинские палачи в подвалах Лубянки в центре Москвы, в Катинском лесу под Смоленском, в поселке Барбыш под Самарой, в Колымских каторжных рудниках, в тысячах других мест массового внесудебного убийства людей не имеет исторических аналогов ни по масштабам, ни по бесчеловечной жестокости исполнения.

То, что вытворяли гитлеровские палачи в Бабыем яру на окраине Киева, в Освенциме и Бухенвальде, в тысячах других мест массового истребления людей, в том числе малых детей, не имеет исторических прецедентов и находится вне возможностей восприятия человеческой психикой.

Большая часть первого десятилетия моей жизни, ровно шесть лет, приходится на Вторую мировую войну — крупнейшую и самую кровавую войну в истории человечества, обреченную предвоенными преступлениями гитлеризма-сталинизма и послевоенной всеобщей разрухой. Уместно напомнить «общеизвестные» факты: в войну оказалось вовлечено 62 государства, на территории которых

проживало свыше 80% населения Земного шара. Военные действия охватили территории 40 государств, погибло по некоторым оценкам до 70 миллионов человек, а сколько сотен миллионов было искалечено и обездолено — посчитать невозможно.

Что касается российской истории, то десятилетие 1937–1947 годов является самым-самым по всем возможным критериям величайшей народной трагедии.

Это десятилетие является самым кровавым и бесчеловечным по количеству убитых, раненных, изувеченных, обмороженных, обгоревших, контуженных, плененных, повешенных, расстрелянных, удушенных, замученных, забитых, умерших от голода и холода, незаконно арестованных, осужденных на каторгу и репрессированных невинных людей за всю историю России с древнейших времен и до наших дней.

Это десятилетие является самым насыщенным по количеству и жестокости преступлений правящей верхушки по отношению к своему народу за всю историю России.

Это десятилетие не имеет равных по количеству разрушенных, сожженных и стертых с лица земли советских городов и деревень.

Это десятилетие не имеет равных в истории России по количеству уничтоженных, разграбленных и разоренных бесценных памятников культуры и искусства.

Это десятилетие не знает равных по масштабам экономической разрухи, нищеты и обездоленности народа за всю многовековую историю России.

Можно привести по всем этим пунктам «общеизвестные» цифры и факты — они обширны, чудовищны и не уместаются в сознании нормального человека...

Можно ли утаить от потомков рассказ о детстве, пришедшемся на это самое-самое десятилетие?

Конечно, есть огромное море литературы о жизни людей в том десятилетии, но я полагаю, что должен добавить свою каплю в это море — очень частную историю существования моей семьи в те годы, кажущиеся издали, с высоты исторических обобщений, малопривлекательными и даже невозможными для жизни. Банальность бытия, однако, заключается

в том, что человек живет, работает, учится, любит, размножается и даже творит в, казалось бы, невыносимых условиях, в которых другие живые объекты природы существовать не могут... Варлам Шаламов писал об этом в «Колымских рассказах»:

«Лошадь ведь слабеет гораздо скорее, чем человек, хотя разница между ее прежним бытом и нынешним неизмеримо, конечно, меньше, чем у людей. Часто кажется, да так, наверное, оно и есть на самом деле, что человек потому и поднялся из звериного царства, стал человеком, то есть существом, которое могло придумать такие вещи, как наши острова со всей невероятностью их жизни, что он был физически выносливее любого животного... Лошадь не выносит месяца зимней здешней жизни в холодном помещении с многочасовой тяжелой работой на морозе. А человек живет. Может быть, он живет надеждами? Но ведь никаких надежд у него нет. Если он не дурак, он не может жить надеждами... Но чувство самосохранения, цепкость к жизни, физическая именно цепкость, которой подчинено и сознание, спасает его. Он живет тем же, чем живет камень, дерево, птица, собака. Но он цепляется за жизнь крепче, чем они. И он выносливее любого животного».

«Кажется, прошел и десятый круг ада, оказывается, есть круги еще глубже» — добавлял Варлам Тихонович о своей Колымской каторге. Он выжил в круге, что глубже самого дна дантова ада — ледяного пруда Коцит с впаянными в лед грешниками. Он, безгрешный, выжил в последнем круге советского ада, глубже которого уже, кажется, и быть ничего не могло. Выжил, «цепляясь за жизнь крепче», чем «камень, дерево, птица, собака», выжил, да благословен промысл Божий, чтобы свидетельствовать с дантовской мощью — это было! Варламу Тихоновичу Шаламову выпала редчайшая судьба и миссия — вернувшись живым с самого дна советского ада, рассказать людям о сталинских концла-

герях «со всей невероятностью их жизни». Тем же, кому повезло жить в те годы вдали от шаламовского ада, следует попытаться рассказать о чистилище, предварявшем ад, о том советском зеркальном отражении лагерной жизни, в котором, вопреки логике, мерцала надежда...

«Находился я на Дальнем Севере с августа 1937 года по октябрь 1951 года... «Документов не сохранилось» — такая у меня есть справка», — так обыденно пишет о годах своих невероятных мучений и страданий выдающийся писатель-гуманист. Помню, как ошеломила меня эта фраза — ведь это точно годы моего детства. И есть немало таких «деятелей», кто хотел бы, чтобы ни документов, ни воспоминаний о тех годах не сохранилось.

Есть еще один мощный побудительный мотив написания этих очерков, невзирая на все сомнения.

По опыту своей жизни знаю, как мало мы в молодости интересуемся своими родителями, как мало в итоге знаем о них, как жалеем о непознанном и неузнанном после того, как они уходят... О дедушках и бабушках, что на горизонте нашего исторического видения, иногда узнаем что-либо, чаще смешное, от родителей, которые, на самом деле, тоже почти ничего не помнят... Ну, а о прадедушках и прабабушках и говорить нечего — как правило, мы и имен-то их не знаем... Винить во всем этом одних лишь молодых людей было бы несправедливо, ибо их предки не озаботились оставить о себе мало-мальски подробные сведения в доступном для хранения, например, письменном виде...

В свое время, после смерти родителей, поняв все это и ощутив холод пустоты за спиной, ужаснулся я и стал лихорадочно, по крупицам собирать остатки сведений о своих предках...

Горжусь, что раскопал, а частично и опубликовал историю своей семьи вплоть до моих прадедов, рад, что спас от забвения велижских резников Мовше и Исаака Окунева, любавичского раввина Давида Якобсона, витебского лесопромышленника Исая Шмерлинга, счастлив передать их образы и духовное наследие своим детям и внукам, счастлив

открывшейся возможности рассказать им об их пра- и прапрабабушках — витебских и любавичских красавицах прошлого и позапрошлого века...

Отныне мои внуки будут знать о своих пра-пра-прародителях и, надеюсь, передадут память о них следующему поколению — поколению Пра-Пра-Пра-Правнуков!

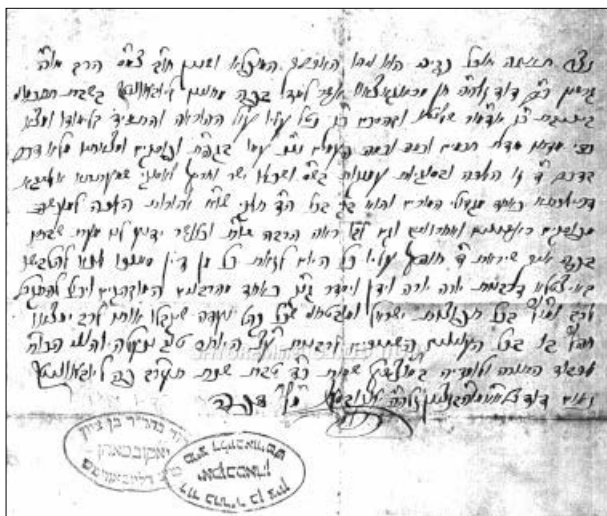
Каково?

Ну, а теперь чуточку и о себе самом — для связи времен...

Все сомнения и оправдания — в сторону, ибо пишу я, на самом деле, для самого себя, а остальных, кто пожелает, приглашаю в собеседники...

Прадед Мовше Окунев (1852–1914)
Велижский резник
г. Велиж, конец XIX века

Прадед Давид Якобсон (1852–1923?), сын Рабби Бенциона Якобсона,
раввин города Любавичи, назначенный на этот пост в 1882 году Главным
раввином Любавичских хасидов — Реббе Самуилом Шнеерсоном

Фото не найдено. Приводится копия рекомендательного письма Давида Якобсона,
написанного им собственноручно в г. Любавичи 14 января 1912 г. (копия любезно
предоставлена Аароном Лейбом Раскиным, Бруклин, Нью-Йорк)

Дедушка и бабушка
Исаак Окунев (1876–1942), велижский резник, сын Мовше Окунева.
Раиса Окунева/Якобсон (1881–1936), дочь Давида Якобсона.
г. Ленинград, предположительно 1931 год

Дедушка и бабушка
Исай Шмерлинг (1879–1945), витебский лесопромышленник.
Роза Шмерлинг/Бельчикова, (1886 –1934)
г. Витебск, 1911 год

Папа и мама
Борис (Бенцион) Окунев (1909–1976)
Бетти Шмерлинг (1911–1993)
Вторая половина 1930-х годов

ГЛАВА 1

ЛЕНИНГРАД, ТВЕРСКАЯ УЛИЦА: 31 ДЕКАБРЯ 1937 ГОДА

«Тверская улица в Санкт-Петербурге проходит от Таврической улицы (и Таврического сада) до площади Пролетарской Диктатуры. Примерная длина улицы — 660 м, на улице 31 дом. С 1770-х по 1859 называлась Офицерская улица. Основная застройка — конец XIX-начало XX века».

Электронная энциклопедия
«Википедия», 2009

Многие мемуары традиционно начинаются указанием дня, года и места рождения автора. Так случилось, что мои даты не совсем обычные — я родился в полночь последнего дня страшного года Большого террора, то есть 31 декабря 1937 года.

Годы моего детства пришлось на самое жуткое и кровавое десятилетие истории России с древнейших времен и до наших дней. Его начало совпало со временем Большого сталинского террора, которому нет аналогов в кровавой мировой истории. Когда мне было неполных 2 года, Гитлер и Сталин развязали Вторую мировую войну, длившуюся 6 лет. В то время моего отца отправили рядовым солдатом на советско-финляндскую войну — сравнительно короткую, но чрезвычайно кровавую бойню, организованную Сталиным. Когда мне исполнилось 3 с половиной года, Гитлер напал на Советский Союз и началась четырехлетняя Великая

Отечественная война — ничего подобного по масштабам жестокости и разрушительности не знали ни российская, ни мировая история. Послевоенная всеобщая разруха и нищета завершили первое десятилетие моей жизни.

Моя мама — Бетти Шмерлинг — приехала в Ленинград из Витебска 18-летней девушкой в 1929 году с намерением получить высшее образование. Это, однако, оказалось невозможным — для поступления в ленинградский ВУЗ требовалось либо пролетарское происхождение, либо, по крайней мере, 4-х летний рабочий стаж. Поскольку пролетарское происхождение отсутствовало, она нанялась работницей на завод «Светлана», где проработала до 1933 года. Заработав пролетарскую предысторию, мама поступила в 1934 году в Ленинградский институт киноинженеров (ЛИКИ). В том же году она вышла замуж за моего папу Бенциона Окунева, которого, полагаю, интересовало отнюдь не ее социальное происхождение...

Мама рожала меня в Родильном доме № 6 на улице Маяковского в Ленинграде — в знаменитой Снегиревке. Она была тогда студенткой последнего курса ЛИКИ, из-за экзаменов не легла своевременно в больницу, и в родах у нее случилось тяжелое осложнение — эклампсия. Мама рассказывала, что потеряла сознание в 1937 году, а пришла в себя уже в 1938, когда мне было несколько часов от роду. «Если бы не потеря сознания, я бы записала тебя 1938 годом, и ты был бы на год моложе» — шутила она впоследствии.

Первые три с половиной года своей жизни я прожил с родителями в коммунальной квартире на Тверской улице.

Слова «коммунальная квартира» понятны только тем, кто жил в Советском Союзе, ибо это уникальное явление советского социалистического быта не известно другим народам. Когда знаменитый булгаковский герой Воланд из романа «Мастер и Маргарита» утверждал, что москвичей испортил «квартирный вопрос» — он имел ввиду коммунальные квартиры, кратко именовавшиеся коммуналками. Ленинградцев тоже испортил квартирный вопрос, ибо они жили в коммуналках на протяжении полувека. Это чудовищно, но многие москвичи и петербуржцы живут в них и сейчас, в начале XXI века. Тем не менее советские люди из провин-

ции, особенно из колхозной деревни, где было несравненно хуже, мечтали получить комнатку или хотя бы угол в ленинградской коммуналке — таковы были реалии жизни в стране победившего социализма, о которой многие недалекие люди фантазируют ныне с ностальгическим придыханием. Подробное описание ленинградской коммуналки еще впереди, а здесь добавлю только следующее — при всей чудовищности коммунального быта типичный ленинградец советских времен, на самом деле, был счастлив, что имеет крышу над головой в таком прекрасном городе, тем более, если эта крыша была на Тверской улице.

* * *

Тихая, широкая, но не длинная, всего в четыре квартала, Тверская улица упирается с запада в Таврический сад около великолепного Таврического дворца, а с востока — в обширную площадь и сад перед Смольным. С Таврическим дворцом и Смольным связаны некоторые важные события моей жизни, о которых я расскажу позже, но в истории России с этими двумя дворцами связаны эпохальные события, изменившие и Россию, и весь мир.

По извращенной прихоти советской исторической псевдонауки первый хозяин Таврического дворца Григорий Александрович Потемкин известен больше, как любовник императрицы Екатерины II, нежели как выдающийся государственный деятель и полководец, каковым он, на самом деле, несомненно был. Когда Потемкин получил титул светлейшего князя Таврического за завоевание Крыма, императрица решила подарить ему дворец и поручила строительство известному архитектору Ивану Старову. Таврический дворец был построен в стиле модного тогда неоклассицизма за шесть лет с 1783 по 1789 год. При Потемкине во дворце устраивались грандиозные балы и фестивали, а после его смерти Екатерина поручила перестройку дворца архитектору Федору Волкову. Император Павел I в пику своей венценосной матушке устроил в Таврическом кавалерийские казармы, однако после него и до начала XX века дворец, принадлежавший царской семье, использовался для устройства

балов и всевозможных выставок. Выдающиеся архитекторы Карл Росси и Василий Стасов занимались обновлением дворца в XIX веке. Гигантский, один из самых больших в России, роскошный купольный зал дворца и примыкавшая к нему великолепная 75-метровая белоколонная галерея с огромными люстрами восхищали и ошеломляли посетителей. С 1906 года Таврический дворец стал местом заседаний первого российского парламента — Российской Государственной Думы, а после Февральской революции 1917 года здесь располагались Временное правительство России и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов. Именно здесь в мае 1918 на своем VII съезде большевики переименовали Российскую социал-демократическую рабочую партию (РСДРП) в Российскую коммунистическую партию (большевиков) — РКП(б), которая под именами ВКП(б) и КПСС правила советской империей более 70 лет. На протяжении большей части XX века Таврический дворец был собственностью ленинградской партийной верхушки, и простые советские граждане в него не допускались.

Расположенный с другого конца Тверской улицы Смольный дворец был построен по проекту выдающегося архитектора Джакомо Кваренги в 1806–1808 годах при императоре Александре I. Туда был переведен Смольный институт благородных девиц — первое в России средне-образовательное учебное заведение для дочерей дворян. Благородный и девически-невинный статус учреждения просуществовал до 1917 года, когда большевики облюбовали это роскошное здание для себя — девицы были разогнаны, а в здании еще до начала Октябрьского переворота разместился Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов и Петроградский военно-революционный комитет. Последующая судьба Смольного тесно связана со всеми преступлениями большевистской диктатуры на протяжении более 70 лет. В ноябре 1917 года в Смольный тайно пробрался Владимир Ильич Ленин, и дворец стал штабом революционного переворота. Именно здесь, в Актовом зале состоялся 2-й Съезд Советов, провозгласивший свержение Временного правительства и передачу всей власти в России Советскому пра-

вительству во главе с Лениным. Со дня Октябрьского переворота и до марта 1918 года Смольный был резиденцией ЦК РСДРП и Совета народных комиссаров. Отсюда исходили первые декреты советской власти, здесь закладывались основы чудовищного тоталитарного режима, который едва не погубил человеческую цивилизацию. После переезда ленинского правительства и всех центральных партийных органов большевиков в Москву в Смольном обосновался на 70 лет Ленинградский обком и горком КПСС. В 1934 году в Смольном, предположительно по тайному указанию Сталина, был застрелен руководитель ленинградских большевиков Сергей Киров — это убийство было использовано Сталиным для развязывания чудовищного террора против народа.

* * *

Такова вкратце роль Таврического и Смольного дворцов в Российской истории.

Два события, определившие судьбу России на много десятилетий, случились в этих дворцах в январские дни 1918 года.

Событие первое. С 18 по 19 января 1918 года в Таврическом дворце проходило избранное всенародным голосованием Учредительное собрание для «установления формы правления в стране и выработки конституции». Поскольку за большевиков проголосовало только 25% избирателей, они составляли меньшинство, вследствие чего Учредительное собрание отказалось утвердить декреты Советов и признать законным Октябрьский переворот. В ответ на это в 5 часов утра 19 января вооруженная охрана собрания, состоявшая из балтийских матросов, по приказу большевистского СНК (Совет народных комиссаров) из Смольного разогнала вяло протестовавших депутатов, а начальник караула матрос Анатолий Железняков своей исторической фразой «Караул устал» вогнал осиновый кол в могилу российской демократии.

Событие второе. Следующей после закрытия Таврического дворца ночью, 20 января 1918 года большевистский ВЦИК (Всероссийский центральный исполнительный ко-

митет) в Смольном принял декрет о роспуске Учредительного собрания, подведя тем самым «юридическую базу» под осиновый кол матроса Железнякова. Фактически этот декрет развязал страшную Гражданскую войну в России, которая не желала признавать насильственную власть большевиков.

Такие вот события происходили на двух концах улицы моего раннего детства.

Тихая Тверская улица оказалась по трагическому замыслу истории не только городской магистралью, связавшей два шедевра русской архитектуры — Таврический дворец и Смольный институт, но и кратчайшей дорогой от российской демократии к российскому тоталитаризму, кратчайшим путем по прямой линии от робкой и неумелой попытки установления свободы до грубого и наглого принуждения к рабству. Невероятно краткой по времени и короткой по расстоянию оказалась эта дорога — несколько месяцев 1917 года и несколько кварталов Тверской улицы.

Как коротка дорога от свободы к рабству в России! Как необозримо длинна обратная дорога — словно бесконечная Владимирка на картине Левитана!

Мне чудится, как стихия российской свободы, родившейся в Таврическом дворце, огненным валом катится по Тверской улице с запада на восток в направлении Смольного, и, достигнув его, взрывается кровавым бунтом, похоронившим вековую мечту российской интеллигенции о свободе, демократии и конституции.

Мне видится, как большевистский поток из Смольного заливает всю бывшую Российскую империю и, переродившись в сталинскую диктатуру, превращает ее в огромный концлагерь рабского труда.

Мне видится, как волна кровавого сталинского террора, вскипая ненасытно, доходит до пика 1937 года, в последний день которого мне суждено было родиться.

* * *

Я не помню ничего из своего раннего довоенного детства, и все воспоминания того времени основаны на рассказах моих родителей.

Дом, в котором мы жили тогда, не сохранился — он был полностью уничтожен прямым попаданием фашистской авиабомбы во время Блокады Ленинграда. Командование немецких войск, окружавших город в 1941–1944 годах, знало, что где-то в этом районе, в излучине Невы, находится Смольный — центр партийного руководства блокадного Ленинграда. Фашисты пытались найти и ликвидировать Смольный и поэтому ожесточенно бомбили и обстреливали этот район. Разрушить Смольный им так и не удалось — он был надежно упрятан под огромной защитной сеткой, но прилегающие к Смольному районы сильно пострадали.

Наш дом располагался на северной, наиболее уязвимой для артобстрелов стороне Тверской улицы, почти в середине квартала между Таврической и Кавалергардской улицами, между сохранившейся до сих пор бывшей старообрядческой церковью Знамения Пресвятой Богородицы (1906–1907, архитектор Д. А. Крыжановский) и недавно построенным огромным элитным домом с дорогими квартирами и подземным гаражом.

* * *

Этот дивный уголок Санкт-Петербурга в начале Тверской улицы у Таврического сада вошел в историю России не только из-за близости к Таврическому дворцу и Смольному, но еще больше — благодаря знаменитой Башне Вячеслава Иванова, ставшей едва ли не символом Серебряного века русской литературы, длившемся, на самом деле, четверть века с 1890 по 1914. «Башней» назывался крупнейший центр литературно-художественной жизни России начала XX века, своеобразный ночной творческий салон в квартире ведущего поэта-символиста Вячеслава Ивановича Иванова. Квартира хозяина салона под номером 24 находилась на последнем этаже великолепного дома № 1 на углу Тверской и Таврической улиц. Этот монументальный доходный дом, построенный в 1903–1905 годы по проекту М. Н. Кондратьева, увенчан массивной башней — отсюда название салона.

По средам, ближе к полуночи, в Башню съезжалась петербургская интеллектуальная элита: А. Блок, А. Белый, В. Брюсов, Д. Мережковский, З. Гиппиус, Н. Гумилев, А. Ах-

матова, О. Мандельштам, В. Розанов, К. Бальмонт, Ф. Сологуб, М. Кузмин, С. Городецкий, М. Волошин, В. Хлебников, В. Ходасевич, Н. Бердяев, Л. Шестов, С. Булгаков, А. Бенуа, К. Сомов, Л. Бакст, М. Добужинский, Е. Лансере, В. Мейерхольд, К. Чуковский, А. Луначарский и другие — всех не перечислить. Блистательный златокудрый Вячеслав Иванов в пенсне и черных перчатках создавал дурманящую атмосферу творческого экстаза. При свете свечей с бокалами вина в руках гости читали рефераты на литературные, исторические и религиозные темы, размышляли вместе с Николаем Бердяевым о философии творчества и свободы, обсуждали пьесу «Балаганчик» в присутствии автора Александра Блока и постановщика Всеволода Мейерхольда, восхищались грандиозной премьерой симфонической поэмы «Прометей» Александра Скрябина, яростно спорили о путях и судьбах русской культуры и России в целом. Под утро читали стихи, впоследствии ставшие классикой русской поэзии. Именно в Башне Вячеслава Иванова юная Анна Ахматова с косами до пят начинала публичное чтение своих стихов, здесь она встречалась со своим будущим мужем Николаем Гумилевым, именно здесь затеяла любовно-литературное состязание с Александром Блоком. В Башне расцвел русский символизм, и здесь же молодые поэты Николай Гумилев, Осип Мандельштам и Анна Ахматова бросили ему вызов, основав новое литературное движение — акмеизм.

Рассказывают, что под утро гости Вячеслава Иванова выходили на крышу Башни подышать свежим воздухом и полюбоваться потрясающим видом на Таврический сад и Невские дали. Рассказывают, что однажды, белой петербургской ночью, «неправдоподобно красивый», по словам очевидцев, Александр Блок впервые прочитал здесь свою чудную «Незнакомку». Корней Чуковский вспоминал:

«Я помню ту ночь, перед самой зарей, когда он впервые прочитал «Незнакомку»... Читал он ее на крыше знаменитой башни Вячеслава Иванова. Из этой башни был выход на пологую крышу, и в белую петербургскую ночь мы, художники, поэты, артисты, возбужденные стихами и вином — а стихами опья-

нялись тогда, как вином, — вышли под белесоватое небо, и Блок, медлительный, внешне спокойный, молодой, загорелый, взобрался на большую железную раму, соединяющую провода телефонов, и по нашей неотступной мольбе прочитал эту бессмертную балладу своим сдержанным, глухим, монотонным, безвольным, трагическим голосом, и мы, впитывая в себя ее гениальную звукопись, уже заранее страдали, что сейчас ее очарование кончится, а нам хотелось, чтобы оно длилось часами, и вдруг, едва только он произнес последнее слово, из Таврического сада, который был тут же, внизу, какой-то воздушной волной донеслось до нас многоголосое соловьиное пение...»

Здесь, в Башне Вячеслава Иванова, свободная русская литература, словно боясь не успеть, спешила выдать свои последние шедевры, здесь она впала в агонию прежде чем погибнуть в огне войны, пролетарской революции и большевистского террора.

Чудовищно — прошло всего 15 лет после первого чтения «Незнакомки» на крыше Башни, и в 1921 году еще недавно «спокойный, молодой, загорелый» Александр Блок умер в голодном Петрограде от сердечной болезни, отягощенной нервным расстройством и физическим истощением. Максим Горький и Анатолий Луначарский просили Ленина отпустить Блока за границу для лечения, но вождь по рекомендации ЧК отказал им — чекистам не нужен был здоровый Блок, чекистам нужен был мертвый Блок.

Не менее трагична судьба многих других выдающихся посетителей Башни. Николай Гумилев расстрелян Петроградской ЧК в 1921. Осип Мандельштам умер в советском концлагере в 1938. Всеволод Мейерхольд забит в НКВД до состояния мычащей скотины и расстрелян в 1940. Николай Бердяев выслан за границу в 1922. Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Константин Бальмонт — в эмиграции с 1920, Владислав Ходасевич — с 1922, Константин Сомов — с 1923, Мстислав Добужинский — с 1925, Александр Бенуа — с 1926. Горестная судьба Анны Ахматовой в Совет-

ском Союзе хорошо известна. Сам хозяин Башни Вячеслав Иванов эмигрировал в Италию в 1924 году и уже никогда не вернулся на родину.

Я часто бывал у бывшей Башни Вячеслава Иванова много позднее, через полвека с лишним, когда поселился неподалеку, в квартире на Суворовском проспекте. Меня тянуло в эти места, где прошло мое раннее детство, тянуло неодолимо, чтобы узнать какую-то тайну. Тайна, однако, долго не раскрывалась, ибо немного осталось здесь от блистательного прошлого, а убогий советский гастроном на первом этаже Башни, где продавали немытую полугнилую картошку, казалось, окончательно вытеснил тени великих.

И тем не менее... Придите в это место ясной белой петербургской ночью. Пройдитесь не спеша вдоль Таврического сада по Таврической улице со стороны Таврического дворца. Задержитесь в створе Тверской улицы напротив Башни Вячеслава Иванова, так чтобы видеть ее с угла, и, подняв повыше голову, оторвитесь от земного и прислушайтесь... И тогда, в тишине безлюдных улиц, вы услышите как с вершины Башни срывается, а затем пролетает с воздушной волной над темными деревьями таинственного сада и уносится в туманные заневские дали неземная музыка блоковских стихов:

И каждый вечер, в час назначенный
(Иль это только снится мне?),
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.

И веют древними поверьями
Ее упругие шелка,
И шляпа с траурными перьями,
И в кольцах узкая рука.

.....

О, Великий Творец всего сущего, как прекрасен человек, которого Ты создал по образу и подобию своему, вдохнув в него Божественный дар творчества.

* * *

Не знаю, как мои родители управлялись со мной поначалу здесь на Тверской улице — ведь у меня не было бабушек и дедушек, которые могли бы взять на себя заботу о внуке, когда родители были на работе. Обе мои бабушки умерли до моего рождения. Оба мои дедушки женились вторично.

Отец мамы, дедушка Исай был далеко — он работал по лесному делу в Тверской губернии (тогда — Калининская область), а меня, я думаю, впервые увидел только в эвакуации осенью 1941 года. Дедушка Исай был, наверное, самым мудрым и практичным человеком в нашей семье. Ко времени моего рождения он уже отсидел 3 года в советских тюрьмах, побывал в ГПУ на Лубянке и в Бутырках, отработал в лагере под Новосибирском и пожил на поселении в Алтайском крае. В 1928 году случилась какая-то амнистия, и Исая освободили — в 20-е годы ГУЛАГ только набирал силу и не был еще столь свирепым и безысходным, как в 30-е и последующие годы. Дедушка Исай был специалистом столь высокого уровня, что даже после отсидки его назначили управляющим огромного лесного кооператива. Он не питал никаких иллюзий относительно будущего страны Советов, не верил ни одному слову коммунистической доктрины, и все силы направлял на выживание своей семьи в тех условиях, в которых она оказывалась. Жена Исая, моя замечательная бабушка Роза — витебская красавица и покровительница Витебского художественного ренессанса начала 20-х годов, умерла 48-ми лет от роду в 1934 году от рака. *(О семье Исая и Розы я писал довольно подробно в очерке «Витебская палитра», включенном в книгу «Письма близким из XX века».)* Ко времени моего рождения дед Исай женился на милейшей и добрейшей женщине, которую звали Ревекка Соломоновна Маргаршак. Исай Шмерлинг был прагматиком, уверенно ходившим по этой земле, несмотря на то, что после революции она подчас уходила у него из-под ног.

Отец папы, дедушка Исаак, в отличие от дедушки Исая, как мне кажется, чувствовал себя неуверенно в советской жизни. Его профессия оказалась совсем ненужной и даже вредной для этой новой жизни — он был до революции резником в небольшом белорусском городе Велиже. Когда дети разъехались из Велижа, он тоже решил покинуть бывшую черту оседлости — родной город, где Окуневы жили целое столетие. В Ленинграде работали три его взрослых сына, но при оформлении прописки трудным оказался вопрос: «Род занятий до 1917 года». Профессия резника (шохет по-еврейски) подпадала под определение «Работник культуры» — с таким «родом занятий» о прописке думать не приходилось. Дедушка Исаак переставил слова в этом названии и записал в анкете: «Культработник». Пронесло — прописали, а потом он нанялся рабочим в артель переплётных работ и, как «трудящийся пролетарий», получил для жилья комнату в коммунальной квартире на улице Чайковского.

Все претило религиозному дедушке Исааку в советской жизни — дети атеистами стали, Закон давно забыли. Бога нет — говорили дети, большевики дали евреям то, что Бог тысячи лет обещал, большевики строят рай на Земле а не на Небесах. И нечего было ему детям возразить, потому что поначалу всё, о чём они говорили, чудесным образом сбывалось. И нетвердым стал он сам в своей вере, и сомнения размывали его веру, но ведь и пророки сомневались... Божья кара, однако, пришла скоро... В 1936 году в возрасте 55-и лет умерла от рака груди жена Исаака — моя бабушка Рая, красавица из легендарных Любавичей, дочь известного любавичского раввина Давида Якобсона. В 1937 году расстреляли мужа дедушкиной младшей дочери Рахили. В том же 37-м Рахиль, как жена врага народа, была арестована и сослана на поселение в Казахстан, а ее маленькая дочь Наташа была помещена в сиротский дом. Дедушка поехал в Москву забирать внучку. Никто другой не решался это сделать — дочка врага народа. Привез одичавшую девочку в Ленинград, поместил её в семью своего сына Абрама. Тоскливо было ему одному в комнате на улице Чайковского. Он женился второй раз и переехал к жене на Почтамптскую, поближе к синагоге.

Не думаю, что дедушка Исаак часто бывал у нас на Тверской в предвоенные годы — я его совсем не помню. А потом пришла война, и дедушка Исаак умер от голода и холода в блокадном Ленинграде в возрасте 65 лет. Я написал об этом в новелле «Смерть Велижского резника», навеянной странным и необъяснимым чувством близости к этому человеку, которого я совсем не знал. Трагическая гибель в блокадном Ленинграде дедушки Исаака — последнего Велижского резника и последнего хранителя религиозных традиций иудаизма в нашей семье — надолго прервала ту нить, которая связывала меня с культурой предков.

* * *

Моим родителям было, конечно, не до меня в те напряженно-смутные три предвоенных года.

Мама окончила Ленинградский институт киноинженеров, получила диплом инженера-электрика в июне 1938 года и по распределению начала работать на заводе Кинап контролером ОТК (отдел технического контроля); она проработала в этой должности до июля 1941 года. Папа не имел законченного высшего образования, в начале 30-х он проучился 2 года в Коммунистическом институте журналистики, и в предвоенные годы, по-видимому, подрабатывал журналистом в ленинградских газетах, а осенью 1939 года был призван в армию.

В июне 1940 года советская власть ввела в «стране трудящихся» 8-часовой рабочий день вместо 7-часового при 6-дневной рабочей неделе (48-часовая рабочая неделя) без повышения зарплаты, одновременно был запрещен переход рабов-трудящихся с одного места работы на другое:

«Запретить самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое.

Уход с предприятия и учреждения, или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения

|| *в другое может разрешить только директор предприятия или начальник учреждения».*

Советские рабочие и служащие фактически превращались в государственных крепостных, а директора заводов и фабрик и начальники учреждений — в крепостников-феодалов. Если учесть, что к тому времени крестьяне уже десять лет пребывали на колхозной барщине, то Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года окончательно устанавливал в стране феодально-крепостнический общественный строй — это не вредно было бы напомнить поклонникам сталинского режима.

В том тревожном июне 1940 года отец вернулся с Финской войны, был уволен в запас, и ему нужно было срочно устраиваться на работу — маминой инженерской зарплаты на жизнь семьи не хватало...

В конце концов родители вынуждены были взять для меня няньку.

Василиса Павловна Терешкова приехала в Ленинград, спасаясь от голодной колхозной жизни на Псковщине. Не знаю, как и по чьей рекомендации она появилась в нашей семье. Вероятно, родители взяли ее на временную работу и оформили как домработницу — это давало в те годы право на проживание в городе без права на жилплощадь. Многие деревенские женщины убегали тогда в город и устраивались домработницами и няньками за крышу над головой с пропитанием. Но, как известно, нет ничего более постоянного, чем временное. Васса или еще проще Вассиха, как ее все называли, стала моей няней на многие годы. Она была со мной в эвакуации, она вернулась с нами в Ленинград после войны, она жила с нами и опекала меня почти все школьные годы. Моя няня Василиса отнюдь не была Василисой Прекрасной — приземистая, бесформенная, с большой круглой головой на короткой шее, она, к тому же, имела безобразное бельмо на одном глазу. Тем не менее эта женщина, напрочь обделенная женским обаянием и надеждой на женское счастье, искренне привязалась ко мне и ласково-покровительно называла меня «малец», не умея иначе выразить свою любовь и нежность.

Первого сентября 1939 года началась Вторая мировая война — Гитлер и Сталин приступили к реализации совместных планов раздела Европы.

В том же месяце мой папа был призван в армию и отправлен рядовым красноармейцем в 221-й артиллерийский полк 70-й стрелковой дивизии, которая разворачивалась вблизи границы Финляндии, проходившей тогда в районе нынешнего города Сестрорецка на Карельском перешейке.

Советское руководство готовило захват Финляндии, отнесенной, согласно секретному дополнительному протоколу к договору 1939 года между Германией и СССР, к «сфере интересов СССР». Предполагалось разыграть стандартный спектакль: вслед за советскими войсками в Хельсинки будет доставлено марионеточное правительство во главе с финским коммунистом Отто Куусиненом, который от «имени финского народа» попросит присоединить Финляндию к СССР. Сталин не ожидал серьезного сопротивления от этой небольшой страны — всю кампанию предполагалось провести за две-три недели, подобно тому, как это было сделано в Польше.

30 ноября 1939 года советские войска перешли границу Финляндии на огромном фронте от Балтийского до Баренцова моря. Немногие россияне знают, какой масштабной была эта операция и какие мощные военные силы были в ней задействованы, многие думают, что Красная армия тогда воевала только на Карельском перешейке в районе Выборга. На самом же деле советская группировка войск включала четыре общевойсковые армии: 7-я армия наступала на Карельском перешейке, 8-я — севернее Ладожского озера, 9-я — в северной и средней Карелии, 14-я — в Заполярье. Их поддерживали военно-морские силы Балтийского и Северного флотов и Ладожской военной флотилии.

70-я стрелковая дивизия, где служил отец, входила в состав 7-й армии, на которую возлагалась главная задача войны — прорвать финскую оборонительную Линию Маннергейма на Карельском перешейке, а затем захватить Выборг с дальнейшим выходом в район Хельсинки. В 7-ю армию входили 9 стрелковых дивизий (дивизия тогда вклю-

чала до 17 тысяч человек), 6 танковых бригад, 10 отдельных танковых батальонов, а также 30 артиллерийских полков. На вооружении армии находилось примерно 1200 артиллерийских стволов, 1570 танков и 250 броневых автомобилей — это, конечно, впечатляет, учитывая, что во всей финской армии было 26 танков.

Бредовый план советского командования предписывал 7-й армии за 10 дней наступления, то есть к 10 декабря, прорвать Линию Маннергейма, разгромить финские войска и взять Выборг. Линия Маннергейма представляла собой почти непрерывную цепь железобетонных укреплений и огневых точек, перекрывавших Карельский перешеек от Финского залива до Ладожского озера южнее Выборга. 7-я армия вышла к ней с большими потерями только 10 декабря, а генеральное наступление на финские позиции начала 17 декабря. Несколько дней продолжалась кровавая схватка, но советским войскам не удалось сломить сопротивление финнов и прорвать Линию Маннергейма. Скверно складывалось наступление советских армий и на других участках финляндского фронта за исключением Заполярья. Положив на поле боя десятки тысяч солдат, высшее командование Рабоче-крестьянской Красной Армии (РККА), наконец-то, убедилось, что без тщательной и всесторонней подготовки к прорыву, без мощной артиллерии, способной разрушать железобетонные доты, прорвать Линию Маннергейма невозможно. Красная Армия была вынуждена временно отступить — она показала свою неспособность к современной войне даже при подавляющем превосходстве в военной силе. Разгром и физическая ликвидация командного состава Красной Армии в 1937 году давали свои первые плоды.

В декабре 1939 года СССР был исключён из Лиги наций за развязывание войны против нейтральной Финляндии, но Сталин закусил удила — он не мог пережить поражения от бывшей глухой провинции Российской империи. В январе 1940 года на Карельском перешейке был создан Северо-Западный фронт во главе с командармом 1-го ранга Семеном Тимошенко (будущий маршал и нарком обороны) и началось формирование чудовищной по огневой мощи группировки войск — к прежней 7-й армии, расширенной до 12 стрелко-

вых дивизий, добавили новую 13-ю армию из 9 стрелковых дивизий. Войска этих армий были выведены из подчинения Ленинградскому военному округу и перешли непосредственно в ведение Ставки Главного Командования РККА.

На этот раз за финнов взялись всерьез. Воистину — против лома нет приема.

4 февраля 1940 года советская авиация провела массированную бомбардировку Хельсинки, 11 февраля после убойной многодневной артподготовки началось новое наступление 7-й армии на Линию Маннергейма. Заваливая финские доты телами солдат, войска 7-й армии прорвали первую полосу обороны и ввели в прорыв мощные танковые соединения. 21 февраля 7-я армия вышла ко второй полосе финской обороны. Финны оказывали ожесточённое сопротивление, но вынуждены были отступить. Пытаясь остановить наступление на Выборг, они открыли шлюзы Сайменского канала, затопив местность северо-восточнее города, но это тоже не помогло...

13 марта войска 7-й армии захватили Выборг. В тот же день было подписано соглашение об окончании войны — Финляндия лишилась Карельского перешейка, северного берега Ладожского озера и ряда территорий в Северной Карелии и Заполярье.

Некоторые мои читатели спрашивают — зачем я пишу об исторических событиях и фактах, о которых нетрудно узнать из учебников или по Интернету? Могу ответить только одно — это нужно мне самому, ибо я не представляю себе описание жизни нашей семьи, равно как и моей собственной жизни, без осмысления тех исторических событий, на фоне и в гуще которых эта жизнь протекала. А подлинное осмысление, в свою очередь, требует определенных усилий и не всегда совпадает с точкой зрения, представленной в учебниках или Интернете. Суровый и кровавый путь 7-й советской армии от Ленинграда до Выборга — это путь по дорогам войны моего отца, рядового солдата 221-го артиллерийского полка 70-й стрелковой дивизии этой армии. Я не скрываю своей оценки: в 1939–1940 годах мой отец участвовал в несправедливой войне против небольшой страны

и ее свободолюбивого народа. Он — рядовой красноармеец — не мог, конечно, нести ответственность за это, он честно выполнял свой тяжелый солдатский долг.

Рядовым красноармейцем отец подал заявление о вступлении в ВКП(б) — Всесоюзную Коммунистическую партию большевиков. Я не знаю точно, как это происходило, но не сомневаюсь, что выбор отца был искренним. Отец верил и в коммунизм, и в интернационал, он верил, что воюет против финских капиталистов и финской белогвардейщины, не добитой во времена Гражданской войны. За всю последующую жизнь отца не припомню случая, чтобы он использовал свою партийность в личных целях или во благо семьи.

Вот передо мной помятый временем, полуразорванный рукописный листок — почти мой ровесник, выданный отцу перед увольнением в запас после Финской войны:

Партийно-политическая характеристика

На красноармейца Окунева Бенциана Ицковича, рожд. 1909, кандидат ВКП(б) к/к № 157253. Соц. положение — служащий, Национальность — Еврей, Образование среднее.

Предан партии Ленина-Сталина, Социалистической родине, дисциплинирован, политически грамотен, идеологически и морально устойчив, умеет хранить Государственную и военную тайну. Активно участвовал в Культурно-массовой работе. Пользуется авторитетом среди бойцов и командиров. За пребывание в армии был групповодом политзанятий. Работал агитатором и редактором Красноармейской стенгазеты подразделения. Добросовестно выполнял партийные задания. За период военных действий всегда был на передовой линии. Смел, энергичен, своим примером увлекал бойцов на разгром финской белогвардейщины.

*Парторг, он же врло политрука (Платонов)
29.6.40г.*

*Печать: НКО ШТАБ 221-го АРТИЛЛЕРИЙСКОГО ПОЛКА
Подпись парторга 9 батареи тов. Платонова заверяю
Секретарь партийного бора, Старший политрук (Зайцев)*

Бесценный это документ, характеризующий не столько отца, сколько эпоху!

Советские армии понесли огромные потери за 105 дней войны с Финляндией. Точных цифр не опубликовано до сих пор, но по оценкам независимых историков было убито и умерло от ран 125 тысяч человек (в среднем более 1000 человек в день!), было ранено, обморожено или контужено 250 тысяч человек. Погибшие на той ненужной, «незнаменитой» войне вызывали какое-то особое сострадание, какую-то особую горечь — об этом позже, в разгар Великой Отечественной войны, прекрасно сказал Александр Твардовский:

Из записной потертой книжки
Две строчки о бойце-парнишке,
Что был в сороковом году
Убит в Финляндии на льду.

Лежало как-то неумело
По-детски маленькое тело.
Шинель ко льду мороз прижал,
Далеко шапка отлетела.
Казалось, мальчик не лежал,
А все еще бегом бежал,
Да лед за полу придержал...

Среди большой войны жестокой,
С чего — ума не приложу,
Мне жалко той судьбы далекой,
Как будто мертвый, одинокий,
Как будто это я лежу,
Промерзший, маленький, убитый,
На той войне незначимой,
Забывший, маленький, лежу.

Мой отец, к счастью, избежал участи того бойца-парнишки. Он не был даже ранен в той 105-дневной кампании зимы 1939–1940 года. То ли волею обстоятельств, то ли игрой судьбы, но отец вынужден будет через 4 года еще раз пройти

солдатский путь от Ленинграда до Выборга, но это уже другая история...

В июне 1940 года отец был уволен в запас и вернулся домой.

* * *

Сохранилось немного семейных фотографий того предвоенного времени. Традиционные семейные фотографии вышли тогда из моды (по коммунистической морали семья считалась атрибутом отмирающего буржуазного быта), а любительское фотографирование находилось еще в зачаточной стадии — зарубежные фотоаппараты были недоступны рядовым советским людям, а первый советский общедоступный фотоаппарат ФЭД — копия немецкой Лейки, появился лишь в 1935 году.

Я нашел семь довоенных любительских фотографий со своим присутствием. Две из них сделаны в феврале 1938 года в квартире на Тверской улице — я в возрасте месяца с небольшим на руках у мамы и у папы. Одну фотографию можно датировать летом 1938 года — я на руках у папы в гамаке где-то на даче.

Удалось найти уникальную фотографию предположительно начала 1941 года, когда мне было три года — я с игрушкой-поросенком сижу на коленях у няни Вассы. Это единственная сохранившаяся фотография моей няни довоенного времени.

Остальные три фотографии сделаны летом 1940 года в Новогиреево под Москвой, где мы с родителями гостили у маминой старшей сестры Иды. На тех очень блеклых фотографиях я в возрасте двух с половиной лет сижу на коленях у мамы и стою перед папой — он только что вернулся живым и невредимым с Финской войны.

Мои родители были молоды и очень красивы... Оставалось меньше года до катастрофы 22 июня 1941 года.

* * *

В 3 часа ночи 22 июня 1941 года неподалеку от нашего дома на Тверской, в Смольном — резиденции Ленинградского партийно-государственного руководства, началось

экстренное секретное совещание членов горкома и обкома партии и секретарей райкомов партии. Секретарь ЦК ВКП(б) и партийный вождь Ленинграда Андрей Жданов зачитал полученную из Генштаба Красной Армии шифрограмму: «...в течение 22–23 июня возможно нападение немецко-фашистских войск на территорию ряда приграничных округов, в том числе Ленинградский округ».

Два с половиной миллиона жителей города досыпали свою последнюю ночь перед катастрофой, после которой их останется чуть больше полумиллиона. На набережных Невы, у вздыбленных на фоне светлого неба мостов прощались со своей юностью выпускники ленинградских школ — в этот час командование Балтийского флота объявило «угрожаемое положение», погасили маяки, корабли перекрыли проходы к Кронштадту, в воздух поднялись дежурные истребители, встали на вахту зенитные расчеты...

* * *

История тотального разгрома, панического бегства и сдачи в плен советских армий в первые дни, недели и месяцы войны подвергалась скрупулезному исследованию, но... до сих пор осталась загадочной. Всевозможные объяснения, придуманные в свое время советской пропагандой для внутреннего употребления, в частности сталинско-молотовские басни о внезапности гитлеровского нападения и огромном превосходстве немцев в боевой технике, уже давно не работают. Историк Марк Солонин, да и не только он, убедительно показал — Красная Армия превосходила Германский вермахт по всем видам вооружения. Доказано, например, что по количеству танков на Западной границе Советский Союз имел 4-х кратное (четырёхкратное!) превосходство над Германией, а таких мощных танков как Т-34 и КВ у Гитлера вообще не было. Однако, припомните ли вы хотя бы один эпизод массированного танкового броска советских войск в первые дни или месяцы войны? А вот рассказами о немецких танковых клещах пестрит любая история войны 1941 года. Такое впечатление, что у советской армии вообще не было танков, и вооруженные до зубов немецкие танкисты давили почти безоружных красноармейцев, отбивавшихся

допотопными ружьями и примитивными бутылками с зажигательной смесью.

Историк и журналист Вилен Люлечник опубликовал недавно выдержки из двухтомного исследования советско-германской войны «Восточный фронт» Пауля Кареля. Немецкий ученый обнаружил в германских архивах материалы о пленении в первые дни войны советского генерала — командира танковой дивизии в Белостоке, на главном направлении удара вермахта. Пленившие советского генерала немецкие офицеры были поражены — эта дивизия Красной Армии, не оказавшая им никакого сопротивления, оказывается обладала колоссальной огневой мощью и включала сотни новейших танков! Ни одна немецкая дивизия не располагала столь мощным вооружением. Пленный советский генерал объяснил немцам, что он не имел приказа вступить в бой с противником?!

Существует хорошо документированная версия — советские танкисты в первые дни войны просто побросали свои танки, потому что бежать от врага в танках неудобно... Впрочем, брошенными были не только танки, но и пушки, пулеметы, минометы и даже винтовки, почти вся военная техника за исключением грузовиков. Почему танки были брошены, а грузовики нет? Потому что на танках нужно было воевать, а на грузовиках можно было драпать — таково горестное заключение современных исследователей разгрома Красной Армии летом 1941 года. Существует версия, что советские солдаты, в основном из крестьян, вообще не хотели воевать за сталинский колхозно-крепостной режим. Существует много других версий, но они — вне рамок нашего повествования.

Одно ясно, и это не версия, а исторический факт — катастрофа 1941 года случилась, главным образом, из-за бездарных и преступных (преступных!) действий и бездействий советской военно-политической верхушки, в которую, помимо Генерального секретаря ЦК ВКП(б) и председателя Совнаркома Иосифа Сталина и членов Политбюро ЦК ВКП(б), входило также руководство НКВД (нарком Лаврентий Берия), НКГБ (нарком Всеволод Меркулов) и наркомата обороны (нарком, Маршал Семен Тимошенко), включая ко-

мандование Генерального штаба РККА в полном составе (начальник Генштаба, генерал армии Георгий Жуков).

* * *

В первые дни войны ленинградцы, обманутые бесчестной сталинской пропагандой, полагали, что серьезные неприятности им не грозят — ведь до Западной границы не менее 750 км. От границы до Даугавпилса — 250 км, от Даугавпилса до Пскова — тоже 250 км, от Пскова до Ленинграда — еще 250 км. Не смогут немцы пройти такой невероятно длинный путь — Красная Армия прежде разобьет их. Так, по-видимому, считали поначалу и в нашей семье. Однако уже 26 июня ударные танковые группировки немцев достигли берегов Западной Двины и захватили Даугавпилс, 28 июня немцы вошли в разрушенную дотла, объятую огнем пожарищ столицу Белоруссии Минск, а 9 июля, на семнадцатый день войны, с ходу взяли Псков.

После падения Пскова, наконец-то, всем стало ясно — еще через две недели фашисты будут под Ленинградом. Красная Армия не просто отступала, она была окружена и разгромлена, а оставшиеся боеспособные части беспорядочно отходили вглубь страны. Восьмая армия Северо-Западного фронта была полностью дезорганизована, сдала Псков практически без боя и, потеряв связь с другими войсками, отходила на север к Ленинграду. После молниеносного захвата Пскова немцы повернули танки на север и, почти не встречая сопротивления, 12-го июля подошли к Лужскому оборонительному рубежу — до Ленинграда оставалось 100 км по прямой. Казалось, никто и ничто не сможет задержать фашистскую группу армий «Север», и немецкие генералы, вполне уверенные в этом, начали составлять список приглашенных на банкет в ресторане «Астория». Однако с банкетом пришлось повременить, ибо пружина внезапно перестала сжиматься — на Лужском рубеже немцы встретили такое стойкое и отчаянное сопротивление плохо организованной смеси остатков кадровой Красной Армии и ополченцев, что застряли на нем, неся при этом огромные потери, почти на месяц.

На том страшном Лужском рубеже погиб рядовой красноармеец-ополченец, старший брат моего отца — 39-лет-

ний Пиня Окунев. Погиб неизвестно где, неизвестно когда — не было у оставшихся в живых возможности разбираться с убитыми, потому что немецкие танки разметали их, неумелых и необученных, так что нельзя было уже понять, кто мертвый, а кто еще живой.

Второй брат отца — 37-летний Абрам Окунев в звании капитана был назначен комиссаром стрелкового батальона в Кировскую дивизию народного ополчения. В начале августа эта добровольческая дивизия была переброшена на Лужский оборонительный рубеж, а 18 августа в тяжелом бою у поселка Батецкий капитан Окунев, поднимая бойцов в атаку, был тяжело ранен в грудь и руку и вывезен в тыловой госпиталь. Рассказывали, что его спас металлический наконечник авторучки, лежавшей в нагрудном кармане — пуля отклонилась, изранила руку, но оставила Абраму жизнь.

Отца в дни Лужской битвы держали в запасе; его, как и многих других участников Финской войны, готовили к худшему развитию событий — подпольному сопротивлению в захваченном фашистами Ленинграде.

* * *

В те трудные дни июля 1941 года мои родители приняли решение — немедленно эвакуировать меня с мамой из Ленинграда. Времени было в обрез, немцы уже перерезали железные дороги Балтийского и Витебского вокзалов. Финские войска выходили к своей старой границе у Сестрорецка, блокируя город с севера. Единственная еще свободная ниточка тянулась на восток с Московского вокзала. Тем не менее чтобы покинуть город, следовало получить специальное разрешение. Это разрешение имело странное название — длинное неприятное слово на костылях, будто сама обездоленность, завернутая во вшивое тряпье — «эвакоудостоверение». Я привожу здесь изображение этого подлинного документа.

Не знаю точно, какого числа началось наше скитание, длившееся почти 3 года. Мы ехали по бедному северу России, несшему к тому же непомерные тяготы войны — миллионы беженцев двигались на восток, оседая в его городках.

M-Graphics PUBLISHING

www.mgraphics-publishing.com
info@mgraphics-publishing.com

ISBN 978-1-934881-28-6

9 781934 881286